

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ПОДВИНЬЯ В XVI в.

Сохранившиеся источники позволяют дать общую картину земле-
владения Подвинья лишь к середине XVI в. По Платежной книге
Двинского уезда 1560 г.,¹ отразившей в себе два последователь-
ных общих описания Двины, а именно описание И. П. Заболоц-
кого 1552—1553 гг. и описание Василия Гагина 1559 г, устанавли-
вается, что на Двине в середине XVI в. существовали черно-
сошные, своеземческие, церковные и монастырские земли. Пла-
тежная книга позволяет установить также и соотношение этих
земель. Из общего числа 1000 малых сох, в которые положил
Двину ~~мисец~~ Заболоцкий, 834 сохи были черносошные, 31 — свое-
земческая, 65 — церковных, 43 — монастырские и 27 — посадских.
Из приведенных данных очевидно, что крестьянские земли
(к ним, как мы увидим ниже, следует относить и своеземческие,
а отчасти и церковные) на Двине в середине XVI в. буквально
доминировали. Феодалное землевладение, представленное здесь
монастырскими вотчинами и владениями отдельных церквей —
посадских соборов — составляло едва 5% всех земель уезда. Ана-
логичным образом распределялись и богатые промысловые угодья
Двины. Из 275 тонн, расположенных по морскому побережью и
по главным рекам, монастыри владели лишь 19 целыми тонями
и долями в 8, а из 85 варниц — 3 варницами и долями в 8. В про-
мысловой волости Варзуге доля феодальных владений была также
невелика. В 1563 г. три монастыря (Соловецкий, Николо-Корель-
ский и Антониево-Сийский) обладали 35 луками из 866, т. е.
примерно 4%.² Итак, крупные промысловые угодья находились
в основном в руках крестьян и посадских. Доля феодального вла-
дения промыслами в середине XVI в. еще очень небольшая.
Целиком в руках черносошных волостей были мелкие промысло-
вые угодья, объект повседневного крестьянского промысла — лов
рыбы в примыкающих к их землям водах, охота в окрестных
лесах и т. д.

¹ Платежная книга Двинского уезда нами опубликована. См.: Аграр-
ная история Европейского Севера. Вологда, 1970, с. 314—336 (далее —
Платежная книга).

² А. И. Копанев. Неземледельческая волость в XVI—XVII в. —
В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967,
с. 185.

Картина двинского землевладения, выявляемая источником середины XVI в., сложилась исторически. Важнейшим моментом явилось присоединение Двины к Москве. Как и на основных повгородских территориях — пятинах, московское правительство проводит на Двине ликвидацию землевладения новгородских феодалов. Земли и волости, принадлежавшие новгородским боярам и монастырям, становились юридически землями и волостями великого князя, а фактически переходили в руки обрабатывающих их крестьян. Следовательно, после известных трех конфискации Иваном III владений новгородских феодалов на Двине вырос фонд черносошных земель, существовавших здесь и в новгородское время. Господство крестьянского землевладения обусловило многие черты социально-экономического, политического и культурного развития Двинского края. Крестьянское землевладение оказывает влияние на развитие других форм землевладения. Вкрапленные в массивы волостных владений оброчные и своеземческие земли постепенно, в течение первой половины XVI в., слились с черносошными. Церковные земли, находившиеся, как и сами приходские церкви, под управлением волости, становились особым видом общественного владения. Некоторые особенности развития монастырских вотчин на Двине — некомпактность вотчин, долевого характера монастырских владений в волостях и т. д. — связаны также с черным землевладением, господствовавшим здесь.

Присмотримся внимательнее к этим явлениям. Судьбу оброчных земель на Двине исследовал А. И. Андреев в своей известной работе об отступных грамотах.³ Изучив с дипломатической точки зрения отступные грамоты (известные только на Двине) и сравнив их с двинскими купчими, А. И. Андреев пришел к выводу, что, хотя отступные и купчие близки по формуляру и по существу совершавшейся сделки, они составлялись на разные объекты: первые — на оброчные земли, вторые — на черные крестьянские. Главным основанием для такого понимания обоих актов было то, что в отступных об объекте сделки всегда говорилось, что это земля великого князя и только владение или посилье данного лица, что эта земля не продается (как в купчих), а только уступается другому лицу и деньги берутся лишь «за посилье», т. е. за вложенный труд. В купчих же грамотах, по утверждению А. И. Андреева, формула «земля великого князя, а мое владение (или посилье)» не встречается совсем до 80-х годов XVI в.⁴ Хотя последнее утверждение и не совсем точно (есть купчие и первой половины XVI в., в которых указанная формула уже налицо), однако наблюдение об обязательности этой формулы в отступных

³ А. И. Андреев. Отступные грамоты. (К истории крестьянского землевладения на севере в XVI в.). Пг., 1916.

⁴ Там же, с. 21.

и более позднее появление ее в купчих весьма ценно. Оно позволяет говорить о разном отношении крестьян к землям оброчным и землям черным: первые они считали собственностью великого князя и своим владением, вторые — полной своей собственностью.

В ранних двинских грамотах имеются указания на земли великого князя. В документах XV—XVI вв. центральных уездов Руси с развитым феодальным землевладением выражение «земля великого князя» означало обычно указание на земли черносошные, не захваченные феодалами. В условиях Двины, где подавляющее количество земель были черными, это выражение долгое время являлось техническим приемом обозначения лишь оброчных земель, находившихся среди крестьянских черных земель (примером могут служить отступные грамоты).

А. И. Андреев указал несколько актов по Чухченемской, Койдокурской, Курейской волостям, в которых при описании смежных земель наряду с владениями волостных крестьян отмечены «земли великого князя» (меновная 1490/91 г., закладная 1497 г., данная 1528 г. и т. д.).⁵ Мы могли бы значительно увеличить число аналогичных примеров и по другим волостям, но ограничимся одним. Сохранились две купчие (1532 г. 1543 г.) на одну деревню — на устье Великой курьи. Из описания меж проданных земель в обеих купчих обнаруживается, что они за десять с лишним лет не изменились. Различные земельные участки деревни граничили в четырех случаях с землями великого князя, в 15 — с крестьянскими и церковными.⁶ Этот пример показывает, что земли великого князя лежали между крестьянскими, границы их были четко означены и не менялись. Волость знала и количество этих земель на своей территории, что видно из сохранившихся общеволостных документов. Так, куростровские разruby 1547 и 1548 гг., в которых фиксирован размер дани с сохи, называют две цифры — одну для черных («чернокупских») деревень, другую — для «оброчных деревень великого князя», названных в том же разрубе «княжичинными». Из разрубов мы видим, что оброчные и черные деревни составляли одну волость, платили одинаковые дани и волостные расходы, с одной лишь разницей: с «княжичинных» (оброчных) сох бралось дополнительно 14 алтын и 1 деньга.⁷ Из приведенных фактов можно заключить, что в руках одного и того же волощанина могли находиться одновременно те и другие земли. В этом плане несомненно представляет интерес следующий факт. В один и тот же день 12 декабря 1540 г. крестьянин Княжеостровской волости

⁵ Там же, с. 25.

⁶ Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Пб., 1922, № 71, 101 (далее — Сб. ГКЭ).

⁷ А. И. Копанев. Куростровские столбцы. — В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970, с. 401—402 (далее — Куростровские столбцы).

Григорий Тимофеев совершил сделки по двум актам: по купчей⁸ продал в Поглядинской деревне «треть деревни чернокунские» за 6 рублей, а по отступной⁹ в той же деревне отступился от полюбжи «великого князя земли ... а своего владения», взяв «на посилье полтора рубля». В подтверждение своих прав на проданную треть деревни Григорий Тимофеев передает покупателю старую купчую грамоту, по которой он купил эту треть у игумена Антония, вкладную грамоту, по которой треть была передана ранее в монастырь, и две дельные, а на отступную землю — посильную грамоту. Так в результате двух сделок Семен Иванов сын Черной (с ним заключены обе сделки) в одной деревне стал обладателем черных и оброчных земель. Права приобретателя на каждый разряд земель обеспечивались специальными документами. В крестьянской среде бытовало даже наименование: грамоты такой-то деревни на княжичинные земли и на чернокунские земли.¹⁰

Итак, оброчные земли находились во владении черпосошных крестьян, они использовались в хозяйственном отношении наряду с другими землями крестьянина, государство облагало их данью с добавлением 14-алтынного оброка, на них падал волостной разруб, владельцы оброчных земель пользовались общественными угодьями волости и т. д. Все это сближало в представлении крестьян оброчные и черные земли. Самым очевидным показателем этого является распространение на оброчные земли права распоряжения ими со стороны их владельцев — они наследовались,¹¹ под видом «поступки» или «уступки» передавались в дру-

⁸ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 137.

⁹ Там же, № 138.

¹⁰ Так, в отписи 1541/42 г. Леонтия Дорофеева, взявшего на хранение у названного выше Семена Черного грамоты на деревню Поглядинскую, прямо сказано: «Те грамоты тое деревни и на княжичинные земли и на чернокунские вопчие грамоты и мои и его». Леонтий Дорофеев обязывался грамоты «не потаить», а представить их по первому требованию Семена Черного (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 148). Княжичинные земли существовали и на Ваге. Так, в грамоте Ивана III Богословскому Важскому монастырю от 5 января 1482 г. упомянуты «княжичинские крестьяне», которым запрещалось вступаться в монастырские «угодья и в лесы за межи и «лесные пашни пахать». В грамоте названы также земли и угодья «княжичинских крестьян», в которые запрещалось вступаться и сильно пахать монастырю. Ясно, что за монастырской межей лежали княжичинные земли, т. е. оброчные (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт до 1613 г., № 13).

¹¹ Приведем здесь любопытное крестьянское высказывание по поводу наследования оброчных земель, встретившееся нам в отступной 1522 г. на деревню Дементьевскую Койдокурской волости. Деревня Дементьевская, вероятно, в Новгородское время принадлежала боярину Дементию Андрееву (его волостка в Емде описана в сотной на Емецкий стан) и после конфискации стала оброчной. Однако еще долгое время ее называли «боярщиной» (см., например, купчую 1528 г. — Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон. № 81). Владелец трети этой деревни Иван Иванов сын Малой в своей отступной — «посильной» от 20 декабря 1522 г., отойдя под-

гие руки, давались в приданое, делились, т. е. были предметом оживленной мобилизации между волостными крестьянами. Ярким примером может служить история оброчных земель на Солотковом острове.

В выписи из книг первого двинского писца Тимофея Афанасьева, приведенной в одной великокняжеской грамоте 1542 г., сказано, что оброчные деревни великого князя на Солотковом острове, образовавшиеся в результате конфискации владений новгородского боярина Григория Тучина, находятся в руках («а пашут ту землю») Крапотки да Гридьки Подстенковых.¹² Однако вскоре (до 1510/11 г.) братья «продали... посилье свое чем нас написали писцы» двум крестьянам — Никофору Мурашу и Чюпру Михайлову.¹³ Сын Мураша Иван уступает по частям полученную от отца долю острова нескольким владельцам: в 1538 г. — Степану Ушаку сыну Опаньину,¹⁴ в 1540 г. — Пимену Пятутину,¹⁵ вместе с документами на эту землю.¹⁶ Тому же Пимену Пятутину в 1540 г. переходит доля Ушака.¹⁷ Другие владельцы оброчных земель на Солотковом острове также отсутствуют, т. е. передают другим лицам их доли. Сохранились от-

ностью от формуляра, повествует: «Жил есми на божии вотчины да господаря и великого князя земле на трете деревне великого князя Деметьевские» и не смог заплатить податей и поэтому уступил половину своего владения, т. е. 1/6 долю деревни двум братьям — Ивану и Карпу Нефедовым. Оставшуюся у него 1/6 долю деревни Иван Малой обязуется продать тем же Ивану и Карпу. «А детям моим Пумену, Сидору и Тарасью до тое моей земли до посильной дела нет и на деле есми им того не положил, то мое и есть, кому хочу тому отдам». «Никому нет дела» «до моего посилья, чем владел яз Иван Малой вотчина божия госнодаря князя великого земля, а мое владение» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 47). Несмотря на категоричность заявлений, Иван Малой передал свою шестую долю именно своему сыну Тарасию. Это засвидетельствовали сыновья Тарасия в своей отступной 1529 г., которой они передали шестую долю своему дяде Пумену Иванову, сыну Малого (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 88), который в свою очередь отступился от этой доли тем же Карпу и Ивану Нефедовым, с которыми имел дело его отец (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 84).

¹² Сб. ГРЭ, т. I, 53. В жалованной грамоте Николаевскому Корельскому монастырю от 2 февраля 1540 г. на Кудмо озеро приводится также выпись из книг Тимофея Афанасьева, согласно которой это озеро с пустошью дано было на оброк («на год 20 бел») трем крестьянам — «Олферке Филимонову, Васюку Иванову да Елоху Иванову» (Сб. ГРЭ, т. II, Л., 1929, приложения, № 86а). Не прошло и 10 лет, а именно в 1507—1508 гг., один из названных совладельцев — Елизар Иванов уступил свою треть, «взяв на посилье» 3 рубля, другому лицу — Якову Климентьеву, который обязывался платить с той земли дань великого князя (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 37).

¹³ Сб. ГРЭ, т. I, № 50.

¹⁴ Там же, № 81.

¹⁵ Там же, № 87.

¹⁶ Там же, № 89.

¹⁷ Там же, № 88.

ступные 1506—1507 гг.,¹⁸ 1528 г.,¹⁹ 1535 г.²⁰ Отметим, что по последней отступной оброчные земли перешли в руки тех же Пятутиных. Забрав значительную часть оброчных земель Солоткова острова, Пятутины в 1542 г. обратились к великому князю Ивану Васильевичу с просьбой о защите их владений «от сторонних людей». В челобитной они писали, что есть у них «на Двине в Колмогорской луке среди реки Двины на Солодском острове пашня и всякие угодья и с того деи они острова ... дань и всякие потуги платят да и посешную службу с них наряжают».²¹ Из приведенных слов очевидно, что двинские крестьяне воспринимали оброчные земли как земли тяглые. Сделки на них имели характер сделок купли-продажи. Хотя в отступных всегда подтверждалось, что предмет сделки — «земля великого князя», однако по некоторой неустойчивости формуляра отступной можно проследить постепенное сближение ее с купчей. Так, иногда отступная называет себя «купчей», иногда добавляет к слову «отступился» слово «и продал», а то и совсем заменяет первое вторым. Обозначение цены в отступных вводится в большинстве актов словами «взял па посилье» столько-то. Иногда же говорится о цене так же, как в купчих, — просто «взял» столько-то. Приобретенные по отступным земли в последующих сделках на них фигурируют как земли купленные наряду с землями, полученными по купчим. Итак, в волостных канцеляриях, где совершались сделки на оброчные земли, участники их (контрагенты, послухи, писец) смотрели на них как на сделки купли-продажи. Да и само правительство иногда продавало оброчные земли крестьянам. Так, в феврале 1541 г. комиссия из трех крестьян, действуя на основании каких-то прав, ябедной и оценной грамот, продала одному из крестьян, Никите Качкову, 5 вервей с четвертью «великого князя земли», где жил некогда некий Игнатий Зиновьев. Сделка совершалась в присутствии сотского Василия Бачурина и старосты Куреской волости Евстрата Маслухина, записанных послухами.²² Аналогичный случай произошел на Пинеге. Здесь в мае 1550 г. сотский Двинской Верхней половины Михаил Левонтьев сын Красного передал («отступился») одному из крестьян «по правой грамоте, по ябедничной по разбоиничной и по оценной грамоте» земли царя и великого князя (т. е. оброчной земли), отнятой у некоего Негодяя Фомина Котова.²³ В по-

¹⁸ Там же, № 48.

¹⁹ Там же, № 62.

²⁰ Там же, № 75.

²¹ Там же, № 96.

²² Там же, № 93.

²³ Негодяй Котов в июне 1548 г. вместе с отцом передал в оброчной Былицинской деревне восьмой жеребей Захару Михайлову (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 59, сст. 3). Оставшиеся у него другие земли были отняты в сентябре 1549 г. за какое-то ябедническое дело, которое им было возбуждено, видимо, против соседей. «Животы» у Негодяя

слухах и здесь указан староста Пинежской волости Тимофей Федоров сын Тупиков.²⁴ Очевидно, такими сделками, заключенными от имени волости, оброчные земли, ставшие бесхозными, передавались в руки других крестьян. Однако вскоре оброчные земли, приобретенные в обоих случаях, стали объектом отступных операций их новых владельцев.²⁵

Несмотря на одинаковый хозяйственный и правовой статус оброчных и черных земель, одно обстоятельство их разделяло со всей очевидностью — неравное тягловое обложение. Как указано выше, с оброчной сохи бралось дополнительно 14 алтын и 1 деньга оброка,²⁶ а это повышало почти в два раза размер государственных налогов с оброчной сохи по сравнению с черносошной сохой. Столь высокий оклад делал вполне реальной мотивировку уступки оброчной земли, включенную в каждую отступную в почти идентичной, иногда в краткой, иногда в более развернутой формуле, гласящей, что отступающийся «не измогл ... государя великого князя дани давати и службы служити и хлеба посопного в житницу и земского розруба с волостными людьми платити».²⁷ А. И. Андреев полагал, что тяжелый оброк вызывал у оброчников желание «отступиться» от оброчной земли.²⁸ Активная мобилизация оброчных земель, вероятно, противоречила фискальным интересам правительства. Этим можно объяснить, что при втором всеобщем описании Двины, а именно при описании И. П. Заболоцкого «с товарищи» в 1552—1553 гг., оброчные земли были уравнены в тягле с черносошными. Правительство распространило оброк, собиравшийся ранее только с оброчных земель, на черносошные земли и тем самым уничтожило последнее различие между этими разрядами земель на Двине. В книге Заболоцкого о тяглых оброчных землях уже речи нет.²⁹

Количество оброчных тяглых земель не поддается учету. Из приведенных данных видно, что они находились на островах

(земля, двор) были оценены в 2 рубля комиссией в составе сотского Михаила Левонтьева Красного, старосты Пинежской волости Варлама Осташева и троих «добрых людей» и переданы истцам «за их иск и за убытки, что давали от грамоты от правые от лядничной» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 59, сст. 1).

²⁴ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 230, сст. 5.

²⁵ В 1549 г. от своих земель отступился Никита Качков (Сб. ГКЭ, т. I, № 126); в 1551 г. это же сделал в отношении негодяевской земли Захар Михайлов (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 289).

²⁶ А. И. Андреев полагает, что на некоторые оброчные деревни был наложен «не денежный оброк, а хлебный». Однако ссылки его на документы — отступные грамоты на Солотков остров, жалованную грамоту Антониево-Сийскому монастырю 1545 г. — скорее позволяют предполагать постоянное наличие и денежных, и натуральных платежей, налагавшихся на оброчную соху (А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 34).

²⁷ Сб. ГКЭ, т. I, № 62.

²⁸ А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 35.

²⁹ Куростровские столбцы, с. 423—424.

в низовьях Двины (Зоостровье, Ухтостров, Койдокурская волость, Куростровская волость). К этому же району относится и основная часть отступных грамот. Небольшой район распространения оброчных земель позволяет заключить, что их на Двине было сравнительно немного.

Образование оброчных тяглых земель на Двине А. И. Андреев справедливо связывает с борьбой Москвы против Новгородской независимости.³⁰ После тяжелого поражения в 1471 г. новгородцы передали великому князю Ивану III земли на Двине, причем они располагались главным образом в нижнем ее течении (на островах) и по берегу моря. В частности, Ивану III был передан берег моря от устья Онеги на западе до устья Мезени на востоке с промысловыми посадками Неноксой и Уной.³¹ В оброчные земли вошла также часть конфискованных земель новгородских феодалов. Пример вотчины Григория Тучина этому доказательство. Однако основные массивы владений крупных новгородских бояр были переведены в разряд черносошных.

Статут оброчных земель определен был во время первого описания Двины.³² Писец Тимофей Афанасьев положил оброчные земли в сохи и обложил их наряду с черносошными сохами тяглом.³³ Результаты описания Тимофея Афанасьева были основанием для раскладки государственных повинностей около 50 лет, именно на них ссылаются упомянутые выше куростровские разruby. Только второе общее описание Двины 1552—1553 гг. значительно изменило систему, установленную первым описанием; одним из существенных изменений и была ликвидация тяглых оброчных земель на Двине.

Здесь надо заметить, что с черносошными землями были уравнены лишь тяглые оброчные земли, т. е. те, которые были положены в сошки и обложены тяглом Тимофеем Афанасьевым. Об-

³⁰ А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 25—26.

³¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. III. М., 1964, с. 31, 33; А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968, с. 443.

³² А. И. Андреев относит описание Тимофея Афанасьева к 1496 г. Однако его ссылка на правую грамоту 1535 г., где отсчитывается «полчетвертацать» лет от времени описания Афанасьева, не подтверждает дату 1496 г., а скорее позволяет датировать описание 1500 г. (А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 28). Датировать также 1500 г. можно, исходя из того факта, что писец Тимофей Афанасьев являлся судьей в деле о присадных землях, разбиравшемся в 1500—1501 гг. на Двине (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 32).

³³ Продавцы оброчной деревни Дементьевской в 1551 г. в обоснование своих прав ссылались на книги «великого князя», в которых был «описан на той деревни ... дед наш». Ясно, что дед продавцов, действовавших в 1551 г., жил в конце XV—начале XVI в. и мог быть «описан» лишь Тимофеем Афанасьевым (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 303). На книги Афанасьева имеется ссылка и в грамоте 1543 г. (Сб. ГРЭ, т. I, № 100).

рочные земли, не положенные в тягло, а только обложенные оброком, существовали на Двине как во время описания Заболоцкого, так и после него. Эти земли самим писцом, а позднее представителями правительства давались за уплату определенного оброка крестьянам как добавка к их тяглым участкам. Оброчные земли этого рода не клались в сохи, а сдавались на оброк обычно небольшими участками (часть деревни, починок, роснашь, пожня и т. д.). Часть этих участков примыкала к промысловым угодьям (к тоням, варницам и т. д.), которые всегда обладывались лишь оброком. Оброк в данном случае был налогом, который взимался государством с земельных и промысловых участков, эксплуатируемых двинскими крестьянами и посадскими людьми. По традиции оброчные угодья считались собственностью великого князя. Однако в условиях черносошного Севера, где господствовала крестьянская собственность, они также приобретали характер полной собственности их владельцев, которые распоряжались ими бесконтрольно: наследовали и продавали их, менялись ими, дарили и т. д. При переоброчке представители правительства считали эти сделки законными, независимо от срока их совершения.³⁴

Своеземские земли на Двине образовались еще в Новгородское время. Они составились частью из владений богатых крестьян, захвативших волостные земли, частью — в результате дробления вотчин новгородских феодалов. Примером первого из указанных путей может служить образование своеземских владений на Емце, где, по книгам Заболоцкого, существовало 6 владений своеземцев явно местного происхождения,³⁵ примером второго — образование владений Амосовых.³⁶

³⁴ Ссылки на документы почти столетней давности, зафиксировавшие сделки крестьян на оброчные угодья, встречаются в большом количестве в книгах писца Вельяминова 1622—1623 г. Например, при описании оброчных земель и рыбных ловель Терпилова стана крестьяне предъявили, а писец принял, внес в книгу: купчие — 42, 66, 70, 79, 81, 84, 96, 97, 101, 103, 105, 106, 109, 111, 112, 117, 118, 124, 129 гг., оброчную 96 г., данную 52 г.; при описании Леонтьева стана: купчие — 25, 56, 89, 93, 98, 100, 102, 103, 108, 113, 114, 118, 123, 126, 129 гг., духовную 73 г., оброчную 100 г., отступную и правую грамоту 118, мировую запись 125 г. (ЦГАДА, ф. 1209, п-к. № 10, л. 296—306, 345—349).

³⁵ Местное происхождение своеземцев емских доказывается их фамилией — Емецкие. О крестьянском происхождении емских своеземцев, на наш взгляд, свидетельствует и факт совместного владения вотчинной семьей братьями Емцкими, и раздел вотчины по долям между братьями Остафьевыми — также своеземцами Емцы. Эти явления свойственны, как мы видели, и крестьянскому землевладению.

³⁶ Родоначальник Амосовых — Амос Иванов сын был внуком некоей Настасьи и правнуком новгородского землевладельца Степана Есиповича. Степан и его дочь поступились частью своих земель в пользу Вязицкого Новгородского монастыря (Сб. ГРЗ, т. I, с. 70—71). По дельной, не позднее 1478 г., сыновья Настасьи — Иван и Александр получили значительные земли в Заволочье (ГВНП, с. 244—245). Часть этих земель по дельной 1491 г. переходит сыну Ивана Амосу Иванову; эти земли являлись эко-

После конфискации на Двине вотчин новгородских феодалов часть своеземцев сохранила свои владения. Однако в условиях преобладания черносошного крестьянского землевладения своеземческие земли сближаются с черными, а сами своеземцы — с крестьянами. Обстоятельством, содействующим такому сближению, было то, что черносошные крестьяне владели своими землями на том же праве частной собственности, что и своеземцы. Своеобразным юридическим выражением слияния своеземческих и черносошных земель является равное их обложение государственными налогами и повинностями, зафиксированное первым писцом Двины — Тимофеем Афанасьевым. Сохранившиеся поземельные акты известных нам своеземцев — Амосовых, Шуйгиных, Леонтьевых, Емецких — показывают, что их земельные и промысловые угодья, значительные по размерам, были инкорпорированы в волостные массивы земель и угодий, были так же размельчены, как и крестьянские, и включались в единый хозяйственный оборот. Словом, эти документы не оставляют сомнений в том, что своеземцы на Двине — это крестьяне-собственники.

Превращение своеземцев в крестьян отмечено сотной из книг Заболоцкого на Емецкий стан, в которой бывшие своеземцы Емецкие перечислены в ряду крестьян бывшей их вотчины. На них падало одинаковое с крестьянами тягло. Правда, они живут в своем родовом селе — Большом селе, у них больше земли, чем у крестьян — они наштут дополнительно 2 деревни, но они крестьяне.³⁷ Крестьянское положение емецких своеземцев видно и из того факта, что один из них — Тимофей Лукин — в 1529 г. исполнял должность волостного целовальника.³⁸ Некоторые своеземцы сохраняли значительные земельные владения. Например, наследники емецкого своеземца Остафия торговали землями почти столетия. В 1501 г., сразу же после описания Двины московским писцом, Василий Остафьев заложил деревню Тенюховскую с пожнями и полосками на Великом острове, на Малом острове и на Емце.³⁹ В 1502/03 г. он продает полосу земли на Малом острове и прitereбы. Причем в купчей оговаривается, что до земли ни детям, ни роду, ни племени «дела нет».⁴⁰ Племянник Василия

помической базой богатейшей, и в XVI в. крестьянской, семьи Подвиный (РО БАН, Арх. собр., № 1192, л. 73—78). Раздельная 1527 г. пяти сыновей Амоса наряду с землями, полученными Амосом по дельной 1491 г., включает и некоторые приобретения, произведенные за 30 лет оборотистым главой и родоначальником этой экономически могущественной семьи (Сб. ГРЗ, т. I, № 60).

³⁷ А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI вв., с. 446.

³⁸ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 87—89. Как один из вкладчиков Антониево-Сийского монастыря Тимофей выступает в данной 1549 г. (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 223).

³⁹ Там же, № 4.

⁴⁰ Там же, № 7.

Остафьева Семен Федоров сын Остафьев в 1529 г. продает полдеревни Полинарыйской, которую он ранее приобрел у других своеземцев.⁴¹ В 1540 г. он же совершает сделку продажи на свою вотчину: на 2 деревни и 7 полдеревень, получив за нее огромную сумму — 100 руб.⁴² Сыновья покупателя этой вотчины в 1552 г. продают часть земель другим владельцам.⁴³ Итак, стирание различий между своеземческими и черносошными землями создавало условия к усиленной мобилизации земель на Двине, с одной стороны, и способствовало образованию значительной прослойки деревенских богатеев, с другой.

По платежной книге 1560 г. своеземческие земли составили едва 3% всех земель уезда. Они принадлежали трем семьям: братьям Амосовым, Ивану Леонтьеву с товарищами и Федору Шуйгину с братьями и племянниками.⁴⁴ Запись в Платежной книге каждого владения в виде отдельной платежно-налоговой единицы свидетельствует о том, что указанные своеземцы облагались государственными налогами и платили их отдельно от черносошных волостей.⁴⁵ Указанная привилегия была уже утрачена основной массой своеземцев к середине XVI в., признание ее за небольшой группой объясняется тем, что эта группа состояла из богатейших крестьян Двины. Но со временем привилегия особого обложения и платежа государственных налогов отпадает и для

⁴¹ Там же, № 89.

⁴² Там же, № 159.

⁴³ Там же, № 331.

⁴⁴ Платежная книга, табл., № 29, 46, 47, 57, 65.

⁴⁵ Свообразным своеземцем был известный Наум Кобель Савин. Его отец Савва Юшин имел деревню на р. Юре Большой, которую он вместе со своими детьми Наумом и Яковом продал Василию и Луке Елисеевым и Андрияну и Степану Филимоновым Карзиным. В 1520/21 г. братаны Карзины уступили прежним владельцам, детям Саввы — Науму и Якову, часть купленных земель, а именно наволоков сенокосных на Юре (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 41). Обнаружив соляные ключи на Юре, Наум Кобель с товарищами добился жалованной царской грамоты на их разработку, которая давала крестьянам податной и судебный иммунитет (РИБ, т. XIV, с. 10—14). Эти, по словам Н. Е. Носова, «чуть ли не новоявленные двинские феодалы» все-таки не вырвались из крестьянской среды. Соляной промысел, видимо, успеха не имел. Это ясно из того, что несомненной главарь группы крестьян, прописанных в царской грамоте, Наум Кобель Савин Юшин 1 января 1556 г. вместе с сыном Василем отдает Антопиево-Сийскому монастырю «отчину деревню свою роспашь» на Юре на Большой с обязательством после 5-летней льготы платить оброк игумену по 2 гривны в год. Одновременно передал он и царскую жалованную грамоту (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 41). В позднейшей монастырской документации его земли на Юре всегда трактуются как вклад Наума Кобеля Савина сына Юшина (Сб. ГКЗ, т. I, № 364, с. 356, т. II, № 122, с. 390), поэтому вряд ли правильно полагать этого Наума Кобеля родоначальником вологодских купцов Кобелевых, как это делают С. В. Рождественский и Н. Е. Носов (Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 253—256), скорее Кобелев — своеемец, затерявшийся среди крестьян монастырской вотчины.

этой группы. Описания Двины начала XVII в. уже не знают своеземческих земель. Потомки Амосовых записаны теперь как простые крестьяне, проживающие в дер. Боярской остров в Алексеевом стане. Лишь название деревни сохранило отзвук когда-то высокого происхождения (от новгородских бояр) и положения крестьян Амосовых.

Землевание приходских церквей по существу не выходило за рамки крестьянского. Оно было мелким. В середине XVI в. церкви в волости Суре и Вые имели по полюбжи земли, в волости Чаколе — 1 обжу, в волости Верколе — 1 сошку и полюбжи. Немногим больше земли было у церквей, находившихся в двинских волостях, — обычно 1—2—3 сошки.⁴⁶ Причт приходской церкви (поп, дьячок, пономарь, просвирия), выбиравшийся обычно на волостном сходе, обрабатывал церковную землю своим трудом. Всеми делами церкви управлял церковный староста, избранный волостью и подотчетный ей.⁴⁷ Он организовывал эксплуатацию церковных земель и промысловых угодий, если таковые скапливались у церкви в большем количестве, чем это необходимо было для содержания причта, — поряжал на церковную землю крестьян. Доходы, которые при этом получались, шли на поддержание церковного здания, покупку утвари, книг, уплату государственных налогов и поборов в пользу духовных властей.⁴⁸ Земельные владения таких приходских церквей по существу были частью тех общинных угодий, которыми распорядилась волость.⁴⁹ Среди двинских церквей можно указать лишь одну, которая имела более или менее обширную вотчину, — это Спасский собор на Курцевском посаде в Холмогорах. Его владения составляли 22 сошки (34% всех церковных земель уезда) и были разбросаны более чем в 7 волостях по Двине и Пинеге.⁵⁰ Это была феодальная вотчина, аналогичная вотчинам двинских монастырей. Для нее, так же как для монастырских вотчин, была характерна дробность

⁴⁶ Платежная книга, табл. № 78, 80, 73, 71, 64, 63, 59, 54, 52 и др.

⁴⁷ С. В. Юшков. Очерки истории приходской жизни на севере России в XV—XVI вв. СПб., 1913, с. 37—41. Иногда священники не мирились с таким приниженным положением в волости. Так, священник церкви Петра и Павла в Княжеостровской волости Иев добился от писца Заболотского в 1552/53 г. выдачи записи, по которой ему разрешалось «на том погосте двор ставити и людей называти, папши пахати и сена косити, и лес сечи, и папши расчищати ... езы бити и рыба ловити. А волостным людям у него в тот погост и в исток не вступатись ни во что» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск, мон., № 336, 336-а). Вряд ли удалось осуществить попу Иеву его программу, во всяком случае в Платежной книге церковь Петра и Павла даже не упомянута.

⁴⁸ Из отписок выборных Лодомской волости видно, что именно они, а не священник платили и налоги и деньги архиепископу с Лодомской Егорьевской церкви (РИБ, т. XV, Лодомские акты, № 25—31).

⁴⁹ Например, в 1525 г. представители прихожан двух церквей: Никольской и Рождественской, действуя «во всех место волощан», разделили тони между церквами (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 70).

⁵⁰ Платежная книга, табл. № 6, 13.

владения, объяснимая условиями ее складывания в районе мелкого крестьянского землевладения.⁵¹

Наблюдения над историей различных форм землевладения на Двине показывают, на наш взгляд, определяющее значение для этого края черносошного крестьянского землевладения. Мы видим, что этот фонд земель пополнился в первой половине XVI в., помимо естественного прироста, т. е. хозяйственного освоения крестьянами новых площадей, еще и землями оброчными и своеземскими, слившимися как в правовом, так и в хозяйственном отношении с черносошными землями.

К характеристике черносошного крестьянского землевладения мы теперь и переходим. Источниками для изучения этого вопроса являются поземельные крестьянские акты. В соответствии с хронологическими рамками исследования (оно ограничивается 1560 г., которым датирован единственный источник по Двине общего характера — Платежная книга) мы привлекаем и актовый материал лишь конца XV в. и первых шести десятилетий XVI в. Из значительного актового материала по Двине, относящегося к указанному хронологическому отрезку, удалось выделить 769 крестьянских поземельных актов. Основанием для отнесения того или иного документа к данной категории были предмет и контрагенты сделки. Если актом оформлялась сделка на крестьянские земли, угодья, дворы, дворища и т. д., а контрагенты — оба или один (при переходе земли в монастырь) — были крестьяне, то документ считался крестьянским поземельным актом. Известно, что крестьянские поземельные акты как юридические документы, составлявшиеся по определенному, почти неизменному формуляру, каждый в отдельности бедны содержанием. Но если подвергнуть изучению акты одного какого-либо района и определенного хронологического периода в совокупности, то ценность их как источников по общен историческим (а не только правовым) вопросам становится очевидной. Таким ценным источником для изучения крестьянского землевладения на Севере в XVI в. и являются двинские акты. На одно обстоятельство следует обратить внимание при оценке источниковедческого значения двинских актов,

⁵¹ Зависимость структуры феодальной вотчины на Двине от структуры крестьянского землевладения хорошо выявляется на следующем примере. В 1527 г. Антониево-Сийский монастырь купил половину деревни Шараповской. В купчей перечислены приобретенные земли и угодья в виде 14 разобренных кусков. Из дельной 1534/35 г. на деревню Шараповскую мы можем узнать, что в каждом таком островке находились как монастырские, так и крестьянские земли. Леса, озера, покотинны оказались вообще неделимыми, часть покосов выкашивалась сообща, делилось лишь сено — кучами. В дельной оговаривалось право монастыря и крестьян проезжать по паровым полям при вывозке навоза (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 118, 120). Налицо чересполосность монастырских и крестьянских земель и общность их хозяйственного использования (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 78, 118, 120).

а именно на то, что почти все они дошли в составе монастырских архивов, куда они передавались вместе с землями, отчуждаемыми крестьянами в пользу монастырей. Следовательно, эти акты содержат материал по истории отдельных крестьянских владений до поступления их в руки монастырей. То обстоятельство, что акты находились в монастырских архивах, ничуть не уменьшает их ценности для истории крестьянского землевладения. Не должно смущать и то, что эти акты, относящиеся к прошлому монастырских и церковных владений, характеризуют лишь незначительный массив земельных владений уезда; не должно потому, что крестьянские земли, не попавшие в руки церковных феодалов, несомненно, были в том же обороте и движении, что и земли, перешедшие к монастырям. Доказательством этому могут служить писцовые книги Двинского уезда начала XVII в., в которых крестьяне черносотенных деревень предъявляли на свои земли документы давностью в несколько десятилетий, судебные дела, где фигурируют поземельные документы и столетней давности. О хранении документов в крестьянских домах у нас имеются многочисленные свидетельства — особые записи, которые давали на себя лица, бравшие те или иные акты на хранение. О документах в крестьянских семьях писал (и частично опубликовал их) в XVIII в. Василий Крестинин.⁵² Впечатляюще звучат слова А. Ефименко о наличии древних юридических актов у северного крестьянства и ее сетования на небрежность их хранения и прямое уничтожение еще в 80-х годах XIX в.⁵³ Современные археологические экспедиции, особенно активно действовавшие в Двинском районе в послевоенное время, актового материала в крестьянских домах почти не находили. Акты исчезли навсегда, как вещи, не имевшие практического значения для крестьян.

Из всего сказанного ясно, что выводы, к которым мы приходим при исследовании крестьянских актов, связанных лишь с монастырскими землями, возможно распространить на всю черносотенную Двину.

Какие же основные черты крестьянского землевладения выявляются при изучении двинских актов? Прежде всего бросается в глаза полная, ничем не ограниченная свобода распоряжения

⁵² В. Крестинин. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере. СПб., 1779, с. 3, 51—54. Крестинин пишет: «Я знаю разные дома, прежде изобильствовавшие, но ныне оскудевшие сими старинными остатками по причине, что сами хозяева сию наследия своего часть, как бесполезную вещь, истребляли или другим истреблять попускали» (с. 3). Крестинин с похвалой говорит о Матвее Гаврилове, который доставил ему много свитков «Вахонинского рода». Об объеме этого домашнего архива мы можем судить хотя бы по тому, что количество актов «на покупные и проданные земли» достигало 80 номеров (с. 30—31).

⁵³ А. Ефименко. Исследования народной жизни. М., 1884, с. 185—187.

крестьян своими землями. Уже один тот факт, что от указанного хронологического периода мы имеем 529 купчих,⁵⁴ 49 закладных, 33 дельные, 21 меновную, 71 данную, 14 отводных, 4 духовные, 5 мировых и 43 записи, т. е. 769 поземельных актов, заключенных крестьянами без какого-либо вмешательства или контроля со стороны органов правительства, свидетельствует о всеобщности и полноте этого права чернососных крестьян. Купчие составляют почти 70% от общего числа актов, а это значит, что в крестьянской среде преобладали сделки купли-продажи, имевшие наиболее глубокое значение для крестьянского хозяйства. Сделки заклада, обмена, раздела, отвода, дарения и т. д., совершаемые крестьянами, по экономическим последствиям не могут идти в сравнение с куплей-продажей, так как только последняя означала безусловный переход земли и угодий — основного средства производства — из одного крестьянского хозяйства в другое. Эти сделки совершались посредством денег, которые, согласно купчим, всегда выплачивались «вруч», «сполна» продавцу, видимо, при совершении акта. Во всяком случае ни в одной купчей нет ни одного указания на рассрочку или отсрочку платежа.⁵⁵ Обычные формулы купчих о продаже земли («в дернь без выкупа», «впрок без выкупа», «в век»), об очищении проданной земли продавцом от всяких попыток отсудить ее у купившего (скажем, через закладные, купчие и другие акты, совершенные на землю ранее), о передаче всех документов, «путей» новому собственнику земель свидетельствовали о неограниченных правах нового владельца на приобретенную землю. Иногда в купчих прямо указывается о запрете выкупа. Так, в купчей 1530 г. сказано: «А учну яз Сысой [продавец] ту полудеревню выкупати или мои дети, ино заставы на великого князя 5 рублей».⁵⁶ Право родового выкупа в крестьянской среде, следует думать, в XVI в. уже изживалось.⁵⁷ Хрупкая надежда на выкуп оставалась лишь тогда, когда купившему будет почему-либо «не до земли». «А будет [покупателю]

⁵⁴ Основываясь на вышеизложенном об отступных грамотах, мы объединили 349 купчих и 180 отступных и рассматриваем их как единый комплекс.

⁵⁵ Особым порядком, вероятно, т. е. не в момент сделки, покупатель земли передавал продавцу пополюк. Пополюк как рудимент доактового оформления сделки купли-продажи, когда сделка символизировалась передачей контрагентами какого-либо предмета или животного, фигурирует почти во всех рассмотренных купчих (в отступных он встречается только 2—3 раза). Наряду с символическим значением пополюка («куря», «лицо», «нож рыбьего зуба», «куча сена», «шапка лисья» и т. д.), он имел и значение экономическое, когда в качестве пополюка давались животные (баран, корова), хлеб в больших количествах (семенной и продуктовый), соль (например, 134 пуда), хмель (например, 2 пуда), сено (например, 20 возов).

⁵⁶ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 92.

⁵⁷ Там же, № 100. Здесь указан случай выкупа доли отцовских владений (купчая 1532 г.).

не до земли и ему бы мимо меня [продавца] землю не продавать, а продать мне» (иногда по той же цене, иногда по новой), читаем в некоторых купчих.⁵⁸

Что же было предметом купли-продажи при поземельных сделках? Об этом можно судить по следующим данным, которые выбраны по главному объекту сделки, названному в купчей или отступной.⁵⁹

	Купчие	Отступные
Деревня	29	7
1/2 деревни	55	6
1/3 «	15	3
1/4 «	30	10
1/6 «	8	5
1/8 «	3	2
Доля, участок деревни	33	24
Пожня	27	13
Доля 1/2, 1/3, 1/4 пожни	10	—
Полоса	1	—
Лоскут	9	12
Веревка земли	1	4
Обжа, целая и дробь	20	1
Стожье как мера покоса	2	1
Покос	9	1
Коса земли	6	—
Посилье	1	—
Наволоок, доли	1	10
Земля	4	19
Починок	3	—
Угодье	1	—
Роспашь	2	—
Чищенина	1	1
Займище	1	1
Вотчина и часть	3	—
Доли Сользы реки	15	2
Доли Солоткова острова	—	10
Доли варниц, цренов, рассола	23	44
Тони и доли их	15	9
Двор, огород	27	4

Обращает на себя внимание прежде всего преобладание сделок на доли владения — доли деревни, доли пожни, доли варницы и т. д.; иногда, видимо, если долей владелец не мог выразить свою собственность, предмет сделки обозначается как часть чего-то (деревни, вотчины, владения) или устанавливается в мерах земельной площади (коса, веревка, обжа, стожье). Такое же преобладание долей фиксируется и в меновных, и в данных, и в заклад-

⁵⁸ Там же, № 57, 83.

⁵⁹ В некоторых купчих наряду с главным объектом сделок (иногда это несколько деревень или полудеревень) названы еще более мелкие (например, при деревне еще лоскут земли, покосы, скот и т. д.), их мы опускали. До десятка грамот называли предмет сделки в такой форме, что его невозможно было внести в таблицу.

ных грамотах, и в записях, касающихся земли. Как выглядят эти доли, довольно реальное представление дают дельные грамоты. Если отвлечься от дельных на такие крупные своеземческие владения, как владения Амосовых, Шуйгиных и некоторых других, у которых земли и угодья, а значит, и доли участков таких разделов разбросаны в разных концах Двинской области, а обратиться к дельным рядовым, то увидим, что доля каждого участника деловой сделки состояла из многих земельных кусков, расположенных в разных концах целого. Например, в мае 1536 г. была разделена между владельцами деревня Поглядинская по третям. На треть одного из участников сделки Григория Тимофеева пришлось по жребии 23 полосы, лежащие между или возле полос других участников сделки (оговорены межи каждой полосы). Но помимо 69 полос (делили по третям, следовательно, полос должно быть в 3 раза больше), в дельной указаны еще мелкие угодья, которые распределялись, видимо, без жребия, а в конце отмечено: «А пожни у нас остаются по годам», т. е. остаются неделимыми.⁶⁰ Менее сложный вариант раздела был произведен в 1532/33 г. четырьмя братьями Процелькиными: были поделены только пожни и рыбная ловля, причем одну половину каждой из 7 пожен получили три брата, а другую — четвертый брат с сыновьями, по половинам же разделена была и рыбная ловля.⁶¹ Приведенные примеры раздела владений на доли показывают ту сложность действительных взаимоотношений между крестьянами, которая возникала при переходе доли от одного владельца к другому. И несмотря на это, именно эти сделки преобладали.

Долевое крестьянское владение в северной деревне было открыто и описано еще А. Ефименко, и в этом ее большая заслуга.⁶² Однако А. Ефименко рассматривала открытое ею явление как нечто неподвижное, характерное и для XVI, и для XVII в.: усложнялись лишь доли, вместо родственников дольщиками становились чужеродные элементы и т. п. В действительности долевое владение претерпевало изменения под воздействием экономических процессов, связанных с имущественной и поземельной дифференциацией крестьянства. В развитии этих процессов перво-

⁶⁰ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 108.

⁶¹ Там же, № 85.

⁶² А. Ефименко. Исследования народной жизни, стр. 110 сл. Долевое владение было развито и в сфере промыслов. По Платежной книге 1560 г. из 275 тонн во владении одного лица было лишь 87, а из 85 варниц — 33. Остальные тонны и варницы находились в совместном владении двух, трех и большего числа хозяев. Дольщиками были братья, дети, племянники, сторонние люди, монастыри и церкви. Относительно большое количество сделок купли-продажи на промысловые угодья свидетельствует о частом изменении в составе владельцев каждого промысла (Платежная книга, с. 519—523, 532—536).

степенную роль играло как раз то право свободного распоряжения землей, о котором мы говорили выше.

В результате активной мобилизации крестьянские земли сосредоточивались в руках экономически могущественной крестьянской верхушки. Существование таковой в двинских волостях доказывается многими данными. Уже отмечена огромная разница в платежах, взимавшихся с крестьян Куростровской и Лодемской волостей при раскладе их «по животам», т. е. в соответствии с экономическим состоянием плательщика. Исходя из этого показателя, удалось высчитать, что имущество 7 куростровских богатеев (3.7% от общего числа волощан) оценивалось выше, чем имущество 86 бедных крестьян (50%),⁶³ а в Лодемской волости имущество 14 (39.7%) богатеев было в 5.5 раза выше имущества всех остальных волощан, составлявших 60.3% общего числа.⁶⁴ Н. Е. Носов справедливо отметил, что «имущественная дифференциация базировалась в первую очередь на земельном неравенстве в пользовании волостными землями».⁶⁵ В частности, по Лодье те 14 богатеев были и крупными землевладельцами. Так, братья Савины в 1545 г. платили налоги и оброки почти с $\frac{1}{5}$ всех волостных земель, а другой богатей — Иван Семепов — примерно с $\frac{1}{4}$. Владения же беднейших волощан были ничтожнейшими.⁶⁶ Соответственно экономическому неравенству крестьян наблюдается столь же разительное поземельное неравенство и в Куростровской волости. По разрубам, правда более поздним (80-х годов XVI в.), можно увидеть, что небольшая часть волощан — 7 дворохозяев — владела таким же количеством земли, что и 69 беднейших крестьян. Если у первых было от 11 до 22 веревок земли, то у вторых — от 3 веревок до $\frac{1}{3}$, причем 20 домохозяев имели менее веревки.⁶⁷ Резкое неравенство наблюдается в северных волостях и в распределении промысловых угодий. По волости Варзуге для середины XVI в. неравенство во владении рыбными угодьями может быть выражено в цифрах, так как сохранилась сотная на Варзугу «с книг описи» двинян Якова Романова и Никиты Путятина 1563 г.⁶⁸ Оказывается, здесь так же, как и в земледельческих волостях, богатеи, составившие 6.1% дворохозяев, владели 22% луков, а 40% беднейших волощан располагали лишь 12% луков.⁶⁹

⁶³ А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 152.

⁶⁴ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 251.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, с. 253—254.

⁶⁷ А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в., с. 154.

⁶⁸ Сб. ГКЭ, т. I, № 165.

⁶⁹ А. И. Копанев. Пеземледельческая волость в XVI—XVII вв., с. 187.

Актный материал, обследованный нами, и такой общий источник по Двине, как Платежная книга, позволяют дополнить приведенные данные о дифференциации крестьянства.

Мы уже говорили, что Платежная книга называет несколько своеземческих владений, указывая их размеры в сошках. Хотя в каждом случае назван коллектив своеземцев: братья Амосовы, Федор Шуйгин с братьями и племянниками, Леонтьев с товарищами, однако их владения (в среднем по 10 сошек, т. е. по 30 обож) при любых вариантах раздела далеко превосходили рядовое крестьянское владение, не всегда достигавшее и $1\frac{1}{2}$ обжи.⁷⁰ Например, 5 сыновей Амоса делили в 1527 г. 15 деревень, несколько десятков мелких угодий, 29 тонь, 4 варницы и до 80 «людей».⁷¹ При дроблении вотчины отца хозяйства братьев оставались, конечно, очень крупными. Как показал Н. Е. Носов, один из братьев — Алексей Амосов — в последующие годы увеличил свои владения за счет новых приобретений.⁷² Из духовной Алексея Амосова 1567 г. вырисовывается его крупное хозяйство. Имущество и часть земель он завещает дочери, жене, пасынкам, братьям, племянникам и внукам. Много денег, земель и угодий раздает монастырям и церквям на помин души «по себе и по родичам». До конца своей жизни он занимался солеварением; в духовной Алексей приказывает употребить дрова (300 сажен!) на выварку соли, доход от которой надлежало также отдать «по душе».⁷³ Н. Е. Носов описал также хозяйства и других богатых крестьян: Савиных на Лодье, Кологривовых, Процелыкиных, Шуйгиных, отметив при этом многочисленные поземельные сделки представителей этих семей в первой половине XVI в.⁷⁴

Для конкретизации этого процесса земельного обогащения отдельных крестьян приведем некоторые примеры. Вероятно, в конце XV в. Елисей и Филимон Карзины купили в Чухченеме

⁷⁰ По сотной на Емецкий стан в среднем на крестьянский двор приходилось по 0,56 обжи (А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине, с. 439—450).

⁷¹ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 261—266.

⁷² Там же, с. 289—274.

⁷³ ЦГАДА, ф. 125, Монастырские дела, № 1. Духовная Алексея Амосова, в иноках Арсения, сохранилась также в двух копийных книгах Архангельского монастыря (РО БАН, Арх. собр., № 1192, л. 47—69 и Арх. собр., № 618, л. 104—111).

⁷⁴ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, с. 252, 258—259, 277—278. Приведем из Платежной книги некоторые данные о промысловых угодьях богатеев. В 1560 г. Амосовы владели 30 тонями и 4 варницами целиком или их долями, Кологривовы соответственно — 14 тонями и 9 варницами, Банев Федор — 5 тонями и 6 варницами, Иван Леонтьев с братом — 18 тонями, Федор Шуйгин — 10 тонями, Неклюд Леонтьев — 7 тонями, Павел Татаркин — 6 тонями, Грибанка Васильев — 5 тонями, Иван Савин — 4 тонями. Некоторые из них имели еще рыбные угодья на Варзуге. Например, Амосовы владели 7 лудами (Сб. ГИЭ, т. I, № 165).

деревню у двух братьев Потаповых, которую они в 1500 г. променяли Николаевскому Чухченемскому монастырю на Сятеверскую деревню.⁷⁵ Карзины принадлежат к богатыям, это видно из того, что они в 1508 г. смогли дать крупную сумму денег — 20 рублей — дяде и племяннику Алексеевым под залог с их стороны двух пожен.⁷⁶ Однако, как показывают документы, Карзины совершали сделки и на мелкие и мельчайшие земельные участки. Так, в 1511/12 г. Елисей и Филимон Степановы выменяли у соседа участок в Заовинном поле, променяв полосу в Долгом поле,⁷⁷ они же в 1515 г. приобрели лоскут на Вильятове за 8 гривен,⁷⁸ в 1516 г. пожию на Комарове за 3 рубля покупает Филимон Степанов,⁷⁹ в 1517 г. тот же Филимон принимает «пожию с лоскутом» под залог,⁸⁰ тогда же Елисей Степанов за 2 рубля покупает пожию в Ракуле,⁸¹ в 1520 г. Филимон Степанов с племянником (сыном Елисея) за 10 рублей приобретает земли в Сятевере,⁸² тогда же сыновья Елисея и Филимона покупают деревню на Юре Большой,⁸³ в 1527 г. Филимон Степанов с племянником покупают за 7½ гривен пожию-лоскут на Великом острове⁸⁴ и пожию в Шевцове.⁸⁵ Следя за описанием меж этих мелких земель — пожен и лоскутов, мы видим, что их окружали со всех сторон такие же мелкие владения других крестьян. Покупатель в каждом случае входил уже в сложившуюся систему хозяйственных отношений. Обогащение семьи Степановых отразилось и на ее общественном положении. Алексей Елисеев в 1526—1529 гг. уже на посту церковного старосты Ильинской церкви и совершает ряд земельных сделок от имени церкви.⁸⁶ Сыновья Елисея — Василий и Лука Елисеевы и Андреян и Степан Филимоновы жили, видимо, не в разделе. Лишь в апреле 1541 г. братья разделили по половинам юрмольские земли, т. е. только земли луговые, низменные. Оказалось, что они располагались в 24 местах.⁸⁷ Вряд ли мы имеем все поземельные акты этой семьи, но и приведенные акты показывают приобретательскую активность ее.

Хотя среди крестьянских купчих есть документы на крупные суммы (100, 70, 30 рублей и т. д.), преобладают все же сделки

⁷⁵ Сб. ГРЭ, т. I, с. 39—40.

⁷⁶ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 39.

⁷⁷ Там же, № 44.

⁷⁸ Там же, № 53.

⁷⁹ Там же, № 56.

⁸⁰ Там же, № 58.

⁸¹ Там же, № 59.

⁸² Там же, № 64.

⁸³ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 41.

⁸⁴ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 80.

⁸⁵ Там же, № 81.

⁸⁶ Там же, № 74, 75.

⁸⁷ Там же, № 150.

мелкого характера. Покупка-продажа земель была распространеннейшим явлением на Двине: сделки совершались между детьми и родителями, между братьями, между племянниками и дядьями. В сделках принимали участие и женщины: дочери продавали земли своих родителей, жены — земли мужей или земли, полученные ими в качестве приданого. Сделки иногда на одну и ту же землю почти смыкались во времени. Например, 21 января 1523 г. Иван Федотов отступился в пользу Якима Григорьева от четверти деревни Фатьяновской (за 4 рубля без 2 гривен).⁸⁸ Уже 1 февраля последний продает половину приобретенной четверти деревни «оприч двора» Дмитрию Александрову (за 2 рубля).⁸⁹ Через полтора хозяйственных года, 31 октября 1524 г., Яким Григорьев продает тому же Дмитрию Александрову (за 2 рубля без гривны) и вторую долю четверти деревни,⁹⁰ а 20 декабря — и двор (за 3½ гривны).⁹¹ В некоторых случаях срок между сделками был еще короче. Так, 10 марта Юрий Васильев получил по отступной три чищенины в разных местах,⁹² а 20 апреля заложил эти чищенины третьему лицу за 7 гривен⁹³ (а уплатил 8 гривен). Иногда несколько сделок на одну и ту же землю совершалось в один день. Например, 25 ноября 1529 г. Степан Емельянов купил половину деревни за 20 рублей,⁹⁴ в тот же день продал ее Юрию Мартынову за ту же цену, а последний в той же купчей завещал ее в монастырь.⁹⁵

Комплекс двинских крестьянских поземельных актов не только свидетельствует о глубокой поземельной дифференциации крестьянства, но и раскрывает пути складывания крупных крестьянских земельных и промысловых владений. Они лепились, как правило, из владений мелких. «Часть деревни», «полоса», «закраина», «лоскут», «пожня», «часть пожни», «лужок», «веретей», «доля топи», «доля варницы» — вот обычные названия продаваемых и покупаемых земель и угодий. Форма товарного обращения земли в среде черносопного крестьянства обусловлена была отчасти формой крестьянского землевладения. Земли каждого крестьянского хозяйства составлялись из разной величины полос в полях и мелких кусков в пожнях, лоскутах и т. д. Это облегчало сделки на землю, и именно на небольшие участки. Через продажу⁹⁶ части своих земель маломощный крестьянин мог получить необходимые

⁸⁸ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 56.

⁸⁹ Там же, № 57.

⁹⁰ Там же, № 64.

⁹¹ Там же, № 64, запись на обороте.

⁹² Там же, № 61.

⁹³ Там же, № 63.

⁹⁴ Там же, № 89.

⁹⁵ Там же, № 90.

⁹⁶ В купчей 1522 г. прямо указано, что вырученными от продажи деньгами «платили хлеб князя великого» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-

ему деньги, скажем, для уплаты государственных налогов и волостных разубов и сохранить еще хозяйство и призрачную независимость. Как мы видели, малоземельные хозяйства составляли в отдельных волостях до половины жителей. Покупателями земли являлись не только крестьяне данной волости, но и жители других волостей и посадов.⁹⁷ В волостных окладных документах упоминаются наряду с веревками, принадлежавшими своим крестьянам, «выхожие веревки», владельцами которых были посторонние для волости лица. По Куростровским разубам «выхожими веревками» в волости обладал, например, холмогорец.⁹⁸

Образование «выхожих веревок» в волостях особенно наглядно показывает те усложнения в крестьянском землевладении, которые возникли вследствие осуществления крестьянами неограниченного права распоряжения своими землями. С каждой сделкой крестьянские наделы еще больше дробились, структура земель в деревне усложнялась, доли распадалась на такие совокупности, что уже не могли быть выражены какой-либо определенной долей. Состав владельцев деревни и волости менялся. Все это, разумеется, оказывало влияние и на производство. Каждое хозяйство не могло выйти из установившегося хозяйственного оборота (принудительный севооборот, порядок и время работ на своих землях, соотношение отраслей хозяйства и т. д.), иногда, может быть, и задерживающего развитие хозяйства.

Правовой основой столь активного обращения черносошных крестьянских земель является частная, причем не ограниченная собственностью крестьянина на его земли. Это право крестьян совершенно ясно зафиксировано в Судебнике 1589 г., действовавшем на черносошном Севере. О частной собственности крестьян на свой надел, на свою деревню (деревней в актах называется часть ее, принадлежащая тому или иному крестьянину) говорит статья 166.⁹⁹ Такой собственностью является земля, перешедшая от отца к детям. «А хто после живота своего отпишет деревню детям, то им и водчина ввек». Термин «вотчина» применительно к деревне, к доле или другому земельному участку употребляется повсеместно в поземельных актах. Крестьянин именует свою землю «вотчиной своей», «отца своего вотчиной» или «деда и отца своего владением», «куплями отца», «деда», «матки» и т. д. Термин «вотчина» и под пером составителя Судебника 1589 г., и в сознания крестьян имел одно значение — собственность. Харак-

Сийск. мон., № 46). В отступной 1527 г. сообщается, что «недобор» в 40 рублей «в великого князя хлебе» сборщик покрыл путем «поступки» своей 1/6 доли в деревне Дементьевской в Емце (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 77, 180).

⁹⁷ Промысловые угодья были предметом сделок двинян вне зависимости от волости, приобретали их и жители других городов: вологжане, каргопольцы, москвичи, тянулись к ним и различные монастыри.

⁹⁸ Куростровские столбцы, с. 408—409, 418—429.

⁹⁹ Судебник XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 402—403, 515—516.

терпо, что составитель Судебника 1589 г., формулируя нормы о родовом выкупе крестьянских земель, исходит из постановления Судебника 1550 г. о вотчинах. Это сопоставление крестьянской вотчины и вотчины феодальной свидетельствует о том, что на крестьянскую вотчину законодатели смотрели как на собственность. Судебник 1589 г. регламентирует и другие поземельные сделки крестьян, вытекающие из его формулы о крестьянской вотчине.

Право черносошных крестьян распоряжаться своими землями ставит их в совершенно особое положение по отношению к крестьянам, принадлежавшим феодалам, которые не имели права распоряжаться своими наделами, поскольку были лишь владельцами этих наделов, а собственниками их были феодалы. Крестьянин по законам Русского государства (Судебник 1497 г., ст. 57; Судебник 1550 г., ст. 88) мог уйти от феодала, уплатив по-жило, но терял при этом землю.

Вторым существенным признаком крестьянского черносопного землевладения является связь крестьянского надела — частной собственности крестьянина — с землями и угодьями, находящимися в общем владении и распоряжении деревни, волости или другой менее определенной общности. Яркие следы этой связи мы находим в крестьянских поземельных актах. Прежде всего это выявляется в формуле, определяющей предмет сделки. Обычно в ней две смысловые части: в первой говорится о землях, находящихся в частной собственности, во второй — в каком-то общем владении. Так, если предметом сделки была деревня или часть ее, то сначала перечисляются постройки (двор, дворце), полевые пахотные земли (горные, юрмольские, луговые), неполевые пахотные и сенокосные участки (пожни, притеребы, рощисты, лоскуты, полянки и т. д.),¹⁰⁰ затем (не всегда) указываются промысловые угодья (путики, перевесища, рыбные ловли) с добавлением слов: «где што к той деревне изстари потягло» или «и со всеми угодья, что к той деревне из старины потягло», или без перечня угодий, а просто: «и с ловищи лесными и водяными и со всеми угодья, что к тем землям истари потягло». Разница в статуте земель первого перечня и угодий, которые тянут к этим землям, выявляется в том, что земли всегда имеют точные межи (эти межи указываются или в самих купчих, закладных, данных или в специальных отводных грамотах,¹⁰¹ составлявшихся при

¹⁰⁰ Судебник 1589 г. эти земли, находящиеся вне общего комплекса полевых деревенских земель — «от деревень на лисе и при реках», — называет отхожими папнями и пожнями (Судебники XV—XVI в., с. 404).

¹⁰¹ В актах описание меж носит общий характер, указываются обычно соседи с одной стороны, с другой, «сверху», «снизу», для земель около реки или ручья или проточного озера точная межа запечатлевалась межевыми знаками и была известна крестьянам. Обращение к памяти крестьян — обычное явление в поземельных спорах. Охрана меж в деревне

отводе земель новому собственнику), угодья меж не имеют. Точные границы земельных участков, фиксируемых актом, свидетельствуют о том, что они принадлежат как собственности крестьянину и могут быть отчуждены, а отсутствие меж в угодьях говорит скорее всего об общем их использовании и общей собственности. Притяннутость их к определенной земле запечатлена в памяти совладельцев, она-то и обеспечивает права нового участника в общих владениях при сделках на деревенские угодья. Тогда, когда угодья не продавались с землей, это особо оговаривалось. Например, в купчей 1541 г. удостоверялось, что Наволок на Емце продан «без угодей, без водяных и без леших» и, следовательно, купившему до них «дела нет».¹⁰² Несомненно, среди общедеревенских угодий, которые «тянули» по земле, были поскотины, т. е. выгоны. Упоминания о «мирских поскотинах» довольно часто встречаются в актах.¹⁰³ Правда, иногда продаются и «участки» в поскотинах, но это, видимо, в случаях раздела поскотин между деревенскими жителями.¹⁰⁴

Общая формула, определяющая объем деревенского владения или отдельного хозяина границами «куда топор, коса, плуг и соха (из той деревни или того или иного хозяина, — А. К.) ходили», выражает не только сознание крестьян, что право на землю имеет тот, кто вложил в нее труд, но и отражает реальные пределы хозяйственного воздействия деревни и крестьянина.¹⁰⁵ Эта формула покрывает и те угодья, которые были в общем пользовании, ведь топор и коса могли «ходить» и в неразделенные покосы и леса. Надо отметить, что леса, примыкающие к пашням, по актам передавались вместе с землей, так же как «заполки» и «закрайны», т. е. они были во владении хозяина земли.¹⁰⁶ Коли-

была важным условием ведения нормального хозяйства. В Судебнике 1589 г. имеется специальная статья (173), запрещающая одному крестьянину перепахивать или перекашивать межу владений другого в одной и той же деревне (Судебники XV—XVI вв., с. 404).

¹⁰² Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 172.

¹⁰³ Купчая 1546 г. (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г. № 164), купчая 1548 (там же, № 170, 173), дельная 1548 г. (там же, № 175), купчая 1549 г. (там же, № 176).

¹⁰⁴ В купчей 1539 г. говорится о приобретении участков в двух поскотинах, но тут же добавлено об одной из них: «в дельпей», т. е. в разделенной (Сб. ГРЭ, т. I, № 84).

¹⁰⁵ В XVI в. эта формула претерпевает некоторые изменения. Примерно до начала 20-х годов преобладает чтение краткое: «куда топор и коса ходила»; далее в 30-х годах стал добавляться плуг (в форме «плуго»); позднее, сначала изредка, рядом с плугом ставится «соха», которая лишь во второй половине XVI в. доминирует в этой формуле как единственное пахотное орудие. Изредка (во второй половине XVI в.) в эту формулу включается и «серб»; один раз названа вместо топора «сокира» (купчая 1520 г. — Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 39).

¹⁰⁶ В купчей 1523 г. два брата продали «отчяну их и с закрайнами и с лесом, што около тое земли» (Сб. ГРЭ, т. I, с. 45); в меновой 1541 г. променена доля деревни с пашнями с «приполками и с всякими чищенц-

чество угодий, которыми мог пользоваться владелец деревни как-то соотносилось с количеством земли. Это видно из купчих сделок: когда продается не деревня или доля ее, а участок измеренной земли, угодья передаются лишь на это количество земли. Например, отступной 1542 г. при «поступке» земли на одну веревку угодья передавались «по той веревке, что придет»,¹⁰⁷ в отступной 1550 г. угодья передавались на три веревки земли.¹⁰⁸

Не все угодья находились внутри деревенской межи. По статье 172 Судебника 1589 г. устанавливается, что деревенская межа охватывала лишь основной комплекс земель деревни. По этой статье запрещалось «меж селы и деревни» межи перепахивать; следовательно, межа проходила между нахотными землями обоих селений.¹⁰⁹ Выходит, в деревенскую межу не входили всевозможные отхожие пожни и пашни «па лисе и при реках» и охотничьи и рыбные угодья. Они лежали чересполосно между угодьями других деревень и часто, видимо, находились в общем владении нескольких деревень. На это есть прямое указание в статье 176 Судебника 1589 г., по которой с согласия жителей деревни ее угодья могли «угодовать» (т. е. эксплуатировать) даже из дальних деревень.¹¹⁰ Совместное владение ближних деревень, видимо, факт обычный. Так, из статьи 176 видно, что угодья были иногда объектом владения более широкого коллектива, чем одна деревня и даже группа деревень, иногда они находились во владении волости.

Документы знают волостные поскотины. В 1501 г. крестьяне Койдокурской волости жаловались властям, что ответчики «отгородили» их «поскотину всей волости Койдокурской возле Койдокурью ... и скоту волостному ходити было негде» и они «скот пустили на лес и медведь у них побил скота у всей волости на десять рублей».¹¹¹ Как видим, волость стремилась огрaдить свои выгоны от посягательств отдельных ее членов. Упоминания о мирских поскотинах, приведенные выше, могут, конечно, относиться и к таким общеволостным выгонам. При обязательном огораживании деревенских полей,¹¹² отхожих пашен и пожен,¹¹³ наволоков¹¹⁴ естественно образовывались в каждой деревне опреде-

намп» на пожню «с лесом пашенным» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 169); в дельной 1541 г., разделив землю, участники сделки обязуются «а другу за дружнею землею лесу не чистити» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 167).

¹⁰⁷ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 181, сст. 1.

¹⁰⁸ Там же, № 42, сст. 9.

¹⁰⁹ Судебники XV—XVI вв., с. 404.

¹¹⁰ Там же, с. 405.

¹¹¹ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 33.

¹¹² Статьи 168 и 169 Судебника 1589 г. предписывают городить огорды между деревнями, вокруг полей и осеков от лесу.

¹¹³ См. статью 171 Судебника 1589 г.

¹¹⁴ Около Кучина наволока в 1539 г. был возведен огород в 1610 сажень длиной (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 24, сст. 4).

ленные площади для выпаса скота, которые сливались с такими же площадями других деревень. Скот свободно переходил на выгонные земли других деревень. Иногда конский молодец, выпущенный весной для свободной пастбы, уходил к осени за 50—100 верст от деревни. Осенью, после 1 сентября, межные огороды раскрывались и скот одной деревни мог пастись и на чужих полях, и на чужих лугах на отаве.¹¹⁵ Эту практику можно рассматривать как далекий отголосок некогда существовавшей общинной собственности на всю землю.

Общеволостное владение рыбными угодьями прослеживается по Платежной книге. Хотя большинство тонн в Двинском уезде находилось в частных руках, однако сохранились и волостные тони. Таких тонн в 1560 г. было 14, из них 5 были в руках Емецкой волости, по 2 тони — у Кехоцкой и Мудьюжской волостей и по 1 тоне — у пяти других волостей. Из раздела Платежной книги об оброках «за рыбную ловлю з двинских волостей и с посадов» узнаем, что посады и волости владели какими-то прилегающими к их территориям водами в реках Двине, Пинеге, Емце, Мезени, вели здесь повседневный лов рыбы и уплачивали небольшой оброк. Волости перечислены в порядке снизу вверх по Двине. Для некоторых волостей указан участок реки, которым она владела. Например, Быстрокурская волость владела «от Чюкчеремские волости и до Орлеца», Емецкие волости — «от Орлеца и до Шастьозера». Кроме того, Емецкие волости ловили рыбу в р. Емце. Крестьяне Мезенской волости владели всей рекой Мезенью с верховья до устья. Однако на определенном отрезке — «от Пылем острова и до Пижмы реки» — в Мезени ловили рыбу и Пинежские волости: Кеврольская, Чакольская, Марьина Гора и Перемская.

Как видим, общеволостные рыбные угодья двинских крестьян были обширными, имели, разумеется, большое хозяйственное значение. При каждой поземельной сделке в волости, конечно, как-то разрешался вопрос и об участии нового совладельца в общих рыбных угодьях. Укажем здесь на один документ, в котором звучит голос волости по этому вопросу. В 1510 г. староста Юрьевского стана «во всех людей место становиц» дал пустошь одному из крестьян, Остафию, «ввек и его детям» и определил, что рыбные ловли ему «вместе с становищи ловити».¹¹⁶

Охотничьи угодья — путики, перевесища — были редко поделены между волощанами. Они были, видимо, в общем пользовании, но доля каждого волощанина определялась в зависимости от

¹¹⁵ По 168 статье Судебника 1589 г. потрава после сентября уже не взыскивается. В некоторых местах право свободного выпаса варьировалось. Например, совладельцы Кучина наволока обязывались ставить огород на Николин день, а крепить огород «по Покрове две недели», т. е. с 9 мая по 15 октября (Судебники XV—XVI вв., с. 528).

¹¹⁶ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 18.

земельных владений. Это можно заключить по одному определению отводной грамоты 1510/11 г., которым к приобретенной деревне придавалось «на 2 человека ... лесных лесов».¹¹⁷ Видимо, в данном случае доля пользования лесными угодьями зависела от количества «людей» во дворе. Волость знала границу своих лесных угодий.¹¹⁸ Но лес волостной смыкался неизбежно с теми обширными лесами, которые простирались на сотни верст между северными реками. В них уже никаких четких границ в пользовании охотничьими угодьями установить было невозможно.¹¹⁹ Однако попытки сделать это все-таки были. Например, крестьянам Пинежских волостей запрещалось в Платежной книге вступать у мезенцев «в зверинные ловища и в путики и в перевесы... бобров не бити и слопцов своих путиков и перевесей по Мезени реке и по иным рекам и по истокам не ставити».¹²⁰ Писцовая книга начала XVII в., основываясь на старине, определяла леса Кеврольских волостей в длину на 360 верст, в ширину на 300 верст,¹²¹ а Мезенской волости — в длину на 330 верст («от моря от усть Мезени реки вверх по Мезени до рубежа ... Вымские земли»), в ширину также на 300 верст («от Удорские волости и до Кеврольских лесов») и добавляла: «И в тех лесах зверинными и птичними ловлями слопцы и путики владети им по старине всем вопче безоброчно, то им в угодья».¹²² Охота на таких огромных территориях, хотя ими владели волощане «все вопче», была под силу только состоятельным крестьянам. Главную выгоду от использования охотничьих, как и всех других общеволостных угодий (выгонов, рыбных угодий, лесов, сенокосов), извлекали, конечно, те богатей, которые выдвинулись в волостях и сосредоточивали в своих руках значительную часть волостных земель.

Приведенный материал о различных формах крестьянского землепользования на черносочной Двине позволяет утверждать, что

¹¹⁷ Там же, № 19.

¹¹⁸ По Судебнику 1589 г. территория волости отделялась от больших лесов особой изгородью — осеком. За осеком, по определению Судебника, находился «вопчей лес царев и великого князя». Термин «вопчей лес» в данном случае означал лес, находящийся в пользовании всех прилежащих волостей (Судебники XV—XVI вв., с. 177, 405, 534—535).

¹¹⁹ Каким безграничным мог быть район охоты двинян, можно судить по их попыткам в середине XVI в. завладеть охотничьими угодьями на Печоре. В 50-х годах крестьяне Кеврольской, Чакольской и Мезенской волостей просили передать им на оброк (от прежнего грамотчика И. Д. Ластки) охоту на Печоре, обещая «напдачу» к оброку, платимому Ласткой. Им удалось получить 2 жалованные царские грамоты на Печору, которые были, однако, отняты, а охота была отдана Ластке на том основании, что он, Ластка, «живет на Усть-Цильме, а пинежане ловят за 1000 верст наездом» (Архангельские губернские ведомости, 1888, № 25, 26).

¹²⁰ Платежная книга, с. 395.

¹²¹ ЦГАДА, ф. 1209, папка № 187, л. 324—324 об.

¹²² Там же, л. 470 об.—471.

здесь в XVI в. каждое крестьянское хозяйство имело в частной собственности земли, занятые двором и постройками, полевые земли, расположенные чересполосно с другими собственниками, сенокосы, промысловые угодья, в общественной собственности — выгоны, рыболовные и охотничьи угодья. Нам кажется, этот материал раскрывает точную формулу В. И. Ленина, характеризующую формы крестьянского землевладения при феодализме, данную им в конспекте книги К. Каутского «Аграрный вопрос»: «Формы крестьянского землевладения — *компромисс* между общественным и частным землевладением. В частной собственности: усадьба, дом; полосы земли в различных „концах“ поля. В общественной собственности: выгон».¹²³ Конспектируя книгу, написанную на материалах истории немецкого крестьянства, В. И. Ленин в своей выписке не отмечает этого обстоятельства, а определяет важнейшую черту крестьянского землевладения в общей форме, т. е. характерную не только для немецкого крестьянства, но и для крестьянства других стран. Как видим, ленинская формула применима и к русскому черносошному крестьянскому землевладению.¹²⁴

¹²³ Ленинский сборник XIX. М.—Л., 1932, с. 31.

¹²⁴ В последнее время Л. В. Черепнин и С. М. Каштановым высказаны сомнения в правомерности употребления конспективной записи В. И. Ленина. Л. В. Черепнин считает, что она не может быть использована «для доказательства того, что „черные“ земли были собственностью свободных крестьян, потому что в ней «речь идет не о характере собственности, а о системе хозяйства». Отсюда Л. В. Черепнин заключает, что в записи нет материала для выявления «с точки зрения наличия земельной собственности» разницы между отдельными категориями крестьянства (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 216). Однако рассмотрение записи в целом (Л. В. Черепнин цитирует на с. 111 и 116 лишь начальную и заключительную фразы записи) дает возможность выделить в ней две смысловые части: в первой говорится о формах крестьянского землевладения — о частном и общественном землевладении, во второй — о системе хозяйства — принудительном севообороте, присущей как свободным, так и зависимым крестьянам. Но если система принудительного севооборота присуща и зависимым, и свободным крестьянам, то частная собственность на землю, конечно, свойственна лишь последним. Следовательно, текст записи дает материал для выявления разницы именно с точки зрения наличия земельной собственности двух исторически главных категорий крестьянства: крестьян — собственников земли, свободных от феодала, и крестьян, зависимых от феодала, — несвободных.

С. М. Каштанов выдвинул формальные возражения против использования этой записи. В сборнике «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма» (М., 1970) С. М. Каштанов утверждает, что «принимать запись в конспекте за выражение точки зрения самого Ленина нет оснований», потому что Ленин «весьма строго отражает мысли и терминологию автора книги, ничего к ним не добавляя» (с. 179). И действительно, сравнение ленинской выписки с немецким изданием книги Каутского 1899 г. показало, что слова и выражения, составившие несколько строк ленинского текста, разбросаны на двух страницах книги Каутского (14—15) и формально С. М. Каштанов прав. Но лишь формально. Уже не говоря о том, что сам выбор «слов» в конспекте как-то характеризует

Третьей существенной чертой, характерной для крестьянского землевладения является документированность. Под «документированием» мы понимаем все формы закрепления за крестьянским хозяйством определенных земель: и мирскую память, и учетные волостные книги, и юридические акты, и государственный кадастр.

«Мирская память» — несомненно наиболее древняя форма закрепления земельной частной собственности — является результатом векового совместного труда крестьян на своих землях. В процессе освоения земель и обработки их в едином хозяйственном цикле устанавливались межи, выставлялись те межевые знаки, которые запечатлевались в памяти поколений. Древнейшие законодательные акты (Судебники, уставные грамоты и т. д.) в своих процессуальных постановлениях, как известно, предписывали привлечение при разборе поземельных дел местных крестьян-старожильцев для выяснения принадлежности земли и установления границ. Как эти предписания осуществлялись на практике, можно видеть по сохранившимся судебным делам. Попеременное обращение судей к старожильцам, выставленным сторонами, с вопросом: «чья то земля, на которой мы стоим», ответы старожильцев и хождение по межам со старожильцами истца и ответчика — почти обязательная часть судебного разбирательства.

По судебным делам видно, что старожилец — всегда старик, который «помнит» лет за 40 за 50, а иногда за 80 и даже за 100 лет, он местный житель, иногда «сам пахал» спорную землю или жил в деревне, к которой эта земля тянула.¹²⁵ Он становился как бы воплощением мирской памяти. «Рознь» в показаниях старожильцев, несовпадение их межевых разводов, зафиксированные судебными делами, объяснялись, вероятно, и слабостью стариковской памяти, и заинтересованностью старожильцев в выигрыше дела своей стороной. Выступления в суде имели частное значение. Более важным было сохранение «в мирской памяти» всего комплекса земельных владений деревни, группы деревень, волости с их нерегулярными площадями и сложными межами. Хранить это все в памяти мог, конечно, коллектив соседей, дере-

читательское отношение Ленина, отметим два несомненные «добавления» его: это, во-первых, та обобщающая форма выписки, о которой мы говорили выше, и акцентирование понятия компромисса, выразившееся в подчеркивании этого слова (в издании передается курсивом), чего не делал Каутский. Подчеркнув слово «компромисс», Ленин сосредоточивал внимание на ключевом слове всей выписки, которое освещает все ее содержание. Напомним здесь, что Ленин в рецензии на книгу Каутского его характеристику «патриархального крестьянского хозяйства и земледелия феодальной эпохи» назвал «чрезвычайно яркой и точной» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 89).

¹²⁵ Во время суда о пожие в Кеврольском стане в конце XVI в. один старожилец заявил, что «помнит» за 140 лет, другой — за 100 лет, третий — за 95 лет, трое следующих — за 80 лет (ГИМ. ОПИ. ф. 229, № 2, л. 9). Однако столь несуразные «годы памяти» не были оспорены противной стороной, следовательно, им можно доверять.

венских жителей. С малых лет крестьянин знал расположение участков земли каждого соседа в полях, покосы, угодья. Не мог он не знать и о смене собственников земли в деревне. Не мог он не знать, так как без этого просто не могло вестись крестьянское хозяйство.

Итак, «мирская память» фиксировала собственность каждого крестьянина, к ней мог обратиться всякий, чьи права были нарушены. Но волость как самоуправляющаяся единица имела и письменные документы — так называемые веревные книги, в которых фиксировались земельные владения всех волощан в единых мерах — веревках.

Веревные книги составлялись в волости регулярно специальными веревщиками (иногда нанятыми волостью) и особо выбранной комиссией из волощан.¹²⁶ Измерение земли каждого двора производилось самым тщательным образом в каждом поле, в каждом лоскуте, в каждой пожне. «Целые деревни являются перед нами как на ладони», — писала с восхищением А. Ефименко, открывая этот источник.¹²⁷ Веревные книги являлись руководством при разложении («разрубе») государственных податей и волостных сборов, поэтому все волощане были заинтересованы в том, чтобы в них точно и оперативно отражались изменения в земельных владениях каждого двора. Веревная книга была, следовательно, полным списком волощан — собственников земли и как таковая документом, закрепляющим эту собственность. Самая ранняя веревная книга указана А. Ефименко, она датирована 1612 г.¹²⁸ Однако веревка как волостная единица измерения земли зафиксирована в многочисленных актах, начиная с конца XV в.¹²⁹ Это позволяет предполагать, что и веревные книги в волостях составлялись с того же времени. Данные веревных книг использовались в судах по спорным поземельным делам как документы, подтверждающие собственность.¹³⁰

Но самым ярким показателем документированности крестьянской земельной собственности являются юридические поземельные акты. В черносошной крестьянской среде в XVI в. имели обраче-

¹²⁶ Куростровские столбцы, с. 421.

¹²⁷ А. Ефименко. Исследования народной жизни, с. 212.

¹²⁸ Там же, с. 213—216.

¹²⁹ Приведем здесь некоторые примеры: в купчей 1499 г. продается «четверть веревки» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 2), в судном деле 1501 г. предписывается ответчику «та поскотина извервити, да тяпути ему с тое земли всякое тягло к волости» (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 33), в купчей 1531 г. говорится о продаже 30 веревок земли (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 8), в отступной 1534 г. упомянута «мирская веревка» (Сб. ГКЭ, т. I, № 73), в судном деле 1535 г. судьи предписывают вервление земли в Уйме для установления размеров спорной земли (Сб. ГКЭ, № 76).

¹³⁰ В судном деле 1535 г. результаты вервления были главным аргументом при решении вопроса о принадлежности спорной земли (Сб. ГКЭ, т. I, № 76, с. 78—79).

ние, как мы видели, самые различные акты, которыми оформлялись многообразные земельные сделки крестьян. По своему формуляру в общем они вполне аналогичны актам, относящимся к феодальным вотчинным землям, да и целевое назначение их то же — юридическое оформление права собственности на землю. В крестьянских актах это находит выражение не только в терминах функциональных: «продал» — «купил», «дал» — «взял», «променял» — «выменял», «заложил», «завещал», «в приданое дал» и т. д., но и в формулах, говорящих о необратимости сделки: купил «в дернь и без выкупа», купил «себе и своим детям и в век и в дернь без выкупа», дал «ту свою деревню» игумену «во веки без отимки и дела мне до тое деревни нет» (иногда добавлено «и моим детям», «и роду и племени»), обменялись землями «в век без розмену», разделили «без передеду», заложили в такой-то сумме (но всегда с оговоркой: «не будут деньги в срок, ино ся закладная и купчая» или «ся закладная кабала и купчая, и посильная, и отводная, и дерная без выкуна»). Несмотря на категоричность формул, большинство сделок, имевших результатом переход земли из рук в руки, сопровождалось составлением дополнительного акта — отводной, фиксирующей передачу земли и ее границы.¹³¹ При приобретении земли группой лиц (скажем, братьями по купчей, духовной отца) составлялась дельная, определяющая участок каждого, а иногда и «ровненская», если кто-либо из участников посчитал свою долю не соответствующей его правам.¹³² При получении земли по суду право собственности фиксировалось правой грамотой.¹³³

Итак, хотя сохранилось и незначительное число актов, тем не менее они дают полное представление о различных формах юридической фиксации прав на землю в среде чернососного крестьянства. Крепостное значение поземельного акта определило и взгляд крестьян на акт. В крестьянской среде его тщательно бе-

¹³¹ Так после отступной на $\frac{1}{4}$ деревни Рындинской в 1522—23 г. была дана отводная (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 50); после купчей на деревню от 14 марта 1529 г. была дана отводная 28 апреля (Сб. ГРЭ, т. I, № 64, 66); после купчей от 20 апреля 1532 г. — отводная 24 апреля (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 34, сст. 8; № 34, сст. 11). Иногда дополнительная отводная не составлялась, тогда в основной грамоте указывалось, что она заменяет отводную: «А ся купчая и дерная и отводная» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 26), «Ино ся закладная и купчая и посильная без выкупа и отводная» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 25).

¹³² Пять совладельцев Кучина наволока в 1534 г. «розровнили» землю «по половинам», причем одна половина пришлось трем совладельцам, другая — двум (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 24, сст. 3).

¹³³ В 1522/23 г., «недонскавшись» деревни, истцы обязуются в особой записи на ответчиков «правой грамоты не имать», т. е. отказываются от дальнейших попыток вернуть свою собственность (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 53).

регли,¹³⁴ при утрате восстанавливали.¹³⁵ Акты на землю («пути») всегда передавались при отчуждении ее новому владельцу. Обычно это были грамоты (купчие, дельные, закладные) многолетней давности («от деда», «от отца», «от братьев»)¹³⁶ Все это должно было свидетельствовать о преемственности права собственности. Поземельный акт фигурировал во всяком судебном разбирательстве о землях. Стороны предъявляли иногда акты, заключенные прадедами, т. е. документы почти столетней давности, правые грамоты прошлых лет и т. д.¹³⁷ Переходя от поколения к поколению, акт гарантировал право крестьянина на основное его средство производства — землю. Значение акта как источника права на землю хорошо выявляется в формуле об очищении продавцом отчужденной земли от всяких грамот. «А где будет тое деревни купчая или закладная, на которой лоскут выляжет или на которое угодье тое деревни выляжет», то продавцам «выкупати своими деньгами, да то нам деревни очистити со всем, что к той деревне из стараны потягло», читаем мы в пространном или кратком виде в большинстве купчих, отступных, данных. Эта формула, гарантирующая покупателя земли от всяких попыток оспорить его право на приобретенную землю посредством старого, может быть, и продавцу неизвестного акта, раскрывает и высокий уровень правосознания крестьянина и действительное значение юридического акта в закреплении крестьянской собственности на землю. Как уже говорилось, правительство не вмешивалось в поземельные отношения крестьян, но крестьянские поземельные акты всегда признавало законными. Об этом говорят не только ссылки на них в судах и при общих описаниях земли писцами, но и многочисленные обращения крестьян к представителям власти: к тиунам, волостелям и наместникам как гарантам сделки. Имеем

¹³⁴ Документы чаще всего хранили в своем доме, но иногда отдавали на сохранение и в другие руки, о чем свидетельствуют специальные отписи. Так, в 1540/41 г. два брата Старковы взяли на хранение две отступные и дельную у Семена Шудоева (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 42, сст. 3); подобную отпись в 1541/42 г. дал Леонтий Дорфеев (Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 148); в 1547 г. «положил ... себе на соблюдение купчие рассольные и поженные закладные» Григорий Гостылев, а духовную отца и дельную грамоту «взял на сохранение» его племянник (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 203, сст. 4).

¹³⁵ Например, в 1510/11 г. Кропотка дал запись покупателям земли вместо утерянной посильной (Сб. ГКЭ, т. I, № 50).

¹³⁶ Например, в 1525 г. продавец передает вместе с землей купчую грамоту и грамоту ровниинскую (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 24, сст. 8), по отступной 1525 г. передаются 4 грамоты (там же, № 24, сст. 2).

¹³⁷ В судном деле 1530 г. о деревне Часовнинской истец ссылался на грамоты прадеда, а ответчик представил 6 купчих грамот (РИБ, т. 14, с. 20—30). В судном деле 1535 г. о землях в Уйме были представлены документы первой половины XV в., 70-х гг. XV в. и несколько актов начала XVI в. (Сб. ГКЭ, т. I, № 76).

в виду те случаи, когда в акте устанавливался определенный «заряд» или «застава» в пользу представителей власти, если кто-нибудь из контрагентов нарушит сделку.¹³⁸

Важное значение для закрепления крестьянского землевладения имели государственные описания. В крестьянских актах мы встречаем многочисленные ссылки на писцовые книги как основание собственности крестьянина. Так, отчуждая землю по отступной в 1507/08 г.¹³⁹ и по закладной в 1511/12 г.,¹⁴⁰ владельцы указали, что эти земли им дал писец; продавец по купчей 1509/10 г. отметил, что землю писали за ним «писцы великого князя ... в книги»;¹⁴¹ по записи 1510/11 г. владелец продал «посилье свое чем написали писцы великого князя в книги».¹⁴² Ссылки на первые писцовые книги Двины Тимофея Афанасьева встречаются и в более поздних актах, но особенно много аналогичных ссылок на книги второго двинского писца И. П. Заболоцкого: «А продали по описи Ивана Петровича Заболоцкого с товарищи», то и дело читаем в актах после 1552 г.¹⁴³ Крестьяне отлично понимали значение записи в писцовой книге той или иной земли за кем-либо. Это очевидно из любопытного обязательства порядчиков в 1544 г. «не описываться» на земле, взятой на поряд, когда «писцы великого князя приедут».¹⁴⁴ Ясно, что запись в писцовые книги нарушила бы права собственников земли, сдавших землю. Интересный пример совпадения поземельного акта с данными писцовой книги находим в записи 1555 г. В ней говорится, что в одной пустоши проданы лишь два жеребья, потому что писец Заболоцкий описал их «в живущем», а третий жеребей, описанный «в пусте», не продан.¹⁴⁵ Здесь писцовая книга послужила основанием для юридической сделки лишь на хозяйственно эксплуатируемые земли, но, отметим, в ней описаны были все земли продавцов. Писцовая книга, преследуя фискальные цели, выражает земельные владения деревни в окладных единицах: в сошках и обжах (для XVI в.), т. е. дает количественную характеристику крестьянской собственности в комплексе деревни. Сочетание обобщающих данных государственных писцовых книг с данными волостных веревных книг усиливало документирующее значение обоих документов.

¹³⁸ Например, в отступной 1517 г. неустойку наместнику платил тот, кто «взначет» «о той земле што нибудь» (Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 30), в дельной 1520 г. — кто нарушит раздел отца (там же, № 40), в отступной 1523/24 г. — кто «зачнет» «откупати» «посилье» (там же, № 58), то же самое в отступной 1524 г. (там же, № 59, сст. 5).
¹³⁹ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 37.

¹⁴⁰ Там же, № 43.

¹⁴¹ Там же, № 41.

¹⁴² Сб. ГКЭ, т. I, № 50.

¹⁴³ Архив ЛОИИ СССР, Ант.-Сийск. мон., № 331, 334, 345, 349, 401.

¹⁴⁴ Архив ЛОИИ СССР, Собр. акт. до 1613 г., № 154.

¹⁴⁵ Там же, № 199.

Итак, земельная собственность черносошных крестьян закреплялась мирской памятью, документами учетного характера и юридическими актами разных видов. В этом отношении землевладение черносошного крестьянина было принципиально отлично от землевладения крестьянина в феодальной вотчине, которое в конечном счете обеспечивалось лишь волей вотчинника.

Землевладение черносошных крестьян было землевладением непривileгированным. Эта четвертая существенная черта крестьянской земельной собственности в поземельных актах нашла свое выражение в формулах о тягле. В каждом акте, говорящем о переходе земли, эта формула есть. Обычно она состоит из двух частей: из обязательства продавца уплатить «дань сегогодушную, и все потуги, и волостные разрубь, да и задний оброк» и из обязательства покупателя «тянуть с земли все потуги с волостными людьми сполна» в будущем. Обычный срок, до которого платит еще продавец, — Ильин день года свершения сделки. Изредка покупатель платит дань со дня покупки. Если у продавшего землю посеяна рожь, то обычно обуславливается его право снять ее и платить $\frac{1}{3}$ тягла. Государственные налоги и волостные платежи поглощали значительную часть дохода крестьянского хозяйства. Тяжесть тягла запечатлена в актах с большой выразительностью. В отступных постоянно читаем: «не измогли есмь с тое земли великого князя дани давати, да и службы служити, и великого князя хлеба посопного в житницу сыпати, и всяких разрубов с волостными людьми платити». Такого рода формулы позволяют предположить, что экономическая тяжесть податей, повинностей и всяких служб и поборов была одной из причин земельного оборота в черносошной среде.

Охарактеризованные выше основные черты крестьянского землевладения и действительные земельные отношения между черносошными крестьянами показывают, что они были собственниками своих земель. В связи с этим нельзя обойти молчанием сотни раз повторенную в актах формулу о государе как собственнике земли. Она встречается в отступных: «отступился ... великого князя земли, а свое посилье», или «и отца своего посилье и мое», или «и мое владение» и т. д.; в купчих: продал «вотчину царя и великого князя, а свою куплю», продана «земля божия да господаря великого князя, а владение было Василию и Никонову, а купля Трофимова»; в закладных: «заложил великого князя землю ... по своим державам» и т. д. В литературе эти и подобные им формулы неоднократно рассматривались как доказательство того, что верховным собственником земли был государь, а крестьяне лишь владельцы.¹⁴⁶ Правда, тут же признавалось,

¹⁴⁶ А. Ефименко. Исследования народной жизни, с. 198—199; М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909, с. 56; т. II, М., 1912, с. 4—5.

что «мысль о государе-собственнике не имела никакого реального, практического значения; она высказывалась только как отвлеченная теория крестьянского землевладения», ибо крестьяне, «не забывая теорию верховного собственника, ... владели и распоряджались своими земельными участками как своей полной собственностью».¹⁴⁷ Эти положения были подвергнуты внимательному рассмотрению с источниковедческой точки зрения А. И. Андреевым. На основе наличных в его время актов А. И. Андреев установил, что формула о верховном собственнике земли сохранилась только в «одной разновидности частных актов Двинского уезда»¹⁴⁸ — в отступных грамотах, а так как эти грамоты относились лишь к оброчным землям Двины, то и происхождение формулы становилось ясным: ею крестьяне обозначали земли, действительно принадлежавшие великому князю, но бывшие в их владении. Позднее, в результате слияния оброчных земель с черными, эта формула была усвоена и другими актами. Последнего вывода, правда, сам А. И. Андреев не делает, но он вытекает из его наблюдений о взаимодействии формуляров отступных и купчих.¹⁴⁹

Установление исторических условий возникновения формулы акта о государе—собственнике земли большая заслуга А. И. Андреева. Но встает вопрос, почему она была усвоена крестьянами и перешла в формуляр других поземельных актов. Здесь, нам кажется, следует выйти из узких рамок юридического толкования формулы в сферу политическую и идеологическую. Если формула «земля царя и великого князя, а владение наше» в свете поземельных отношений в черносошной среде не имела реального значения, то не следует ли рассматривать ее как выражение сознания крестьян о царе и великом князе как главе государства, суверенные права которого на всю территорию крестьяне считали само собой разумеющимся? Такое толкование можно еще подкрепить тем, что иногда эта формула усложняется добавлением слов «земля божья», что еще более отдаляет ее от тех пожен и лоскутов, о которых говорит акт. Но, помимо государственно-поддапнического воззрения, эта формула выражает, по нашему мнению, в какой-то мере наивный монархизм крестьянского сознания. По актам центральной России, отразившим ожесточенную борьбу крестьян с наступающим феодалом, мы можем заметить, что, защищая свои права, крестьянин всегда выставлял факт принадлежности земли великому князю. Поэтому и формулу поземельных актов о государе — верховном собственнике земли, может быть, допустимо считать выражением одной из черт крестьянской идеологии.

¹⁴⁷ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере, т. I, с. 56.

¹⁴⁸ А. И. Андреев. Отступные грамоты, с. 4—5.

¹⁴⁹ Там же, с. 12—13.